

Какой видится экологическая филология?

© А. Т. ХРОЛЕНКО,
доктор филологических наук

В статье обсуждается необходимость, содержание и структура новой научной дисциплины – экологической филологии, ориентированной на сбережение родного языка.

Ключевые слова: экология языка, экофилология.

The article contains a discussion of necessity, contents and structure of the new scientific subject that is called ecological philology oriented to preserving the mother tongue.

Key words: language ecology, ecophilology.

Сколько восторженных слов о родном языке, сколько гневных слов послано в адрес тех, кто небрежен в своей речи, как много написано о том, что угрожает русскому языку. Диапазон высказываний – от паники до сурового отпора агрессору. И все это продиктовано заботами о сбережении родного слова.

Постепенно зреет убеждение в том, что следует не только любить свой язык, но и сознательно учить этой любви. Нужна специальная научная и учебная дисциплина, которую условно можно назвать экологической филологией, короче – экофилологией. Эскиз этой дисциплины намечен в двух замечательных книгах – «Живой как жизнь» К.И. Чуковского и «Слово живое и мертвое» Н. Галь.

Какой видится идеология и структура намечаемой дисциплины? Настоящее – это прошлое, свернутое по будущему. Логично и перспективно начинать со знакомства с предысторией и историей проблемы, отсюда правомерность темы *«Становление отечественной экофилологической мысли»*. Опыт экологии языка зафиксирован в сочинениях М.В. Ломоносова и эпистолах А.П. Сумарокова, в Словаре Академии Российской, в филологических трудах А.Х. Востокова, И.И. Срезневского, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни и А.Н. Веселовского, в «Корнеслове» А.С. Шишкова, в собирательском подвиге В.И. Даля, в вершинных достижениях золотого и Серебряного веков русской литературы, в размышлениях К.И. Чуковского и Н. Галь, в публицистике последнего столетия.

Экологическим заботам должны предшествовать *«Базовые вопросы сбережения языка»*. Вопрос первый. Зачем народу необходимо беречь именно родной язык? Ответ: язык – основной этнический признак, определяющий национальную идентичность народа и каждого его представителя. Язык сплачивает людей в единое образование и одновременно выделяет это образование среди других. Язык – это способ хранения и передачи этнокультурной информации. «Язык есть исповедь народа; в нем слышится его природа, его душа и быт родной» (П. Вяземский). Народы могут менять свои учреждения, свои нравы и обычаи, даже свою религию, свое местожительство, всё – кроме языка. Утрата народом своего языка приводит к исчезновению народа как целого. Для личности определяющим является чувство родного языка. В. Даль, сын датчанина и немки, всю свою сознательную жизнь считал себя русским. «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делает человека принадлежностью той или иной народности. Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски», – писал создатель знаменитого Словаря.

Второй вопрос. Почему нам надо беречь именно русский язык? «Весь мир заключен в малой частице воздуха на устах наших зыблущегося», – написал А.Н. Радищев в философском трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» (1792–1796). Это чудо обусловлено эвристическими и креативными возможностями языка, который одновременно и средство познания, и инструмент созидания. Немецкий философ М. Хайдеггер утверждал, что язык разбивает мир, как садовник разбивает сад на пустыре, и мир при этом присутствует в языке самим своим существом. Язык, по мнению философа, дом бытия. Язык формирует человека и его культуру, более того, он создает весь окружающий человека материальный мир. «Неназванное – не существует». Слова отыскивают в мире человека новое и из нового творят дотоле неведомое. На это обращали внимание русские писатели. «Язык – сам по себе поэт» – не только красивая метафора,

но и неоспоримая истина. Язык – «лучший поэтический регулятор» (Л.Н. Толстой – письмо Н.Н. Страхову); «В слове есть скрытая энергия, как в воде скрытая теплота, как в спящей почке дерева содержится возможность при благоприятных условиях сделаться самой деревом» (Пришвин. Дневник); «Язык – родина и вместилище красоты и смысла, сам начинает думать и говорить за человека» (Пастернак. Доктор Живаго).

Эвристичность и креативность органично связаны и являются непременным свойством любого естественного языка. Однако степень проявления этих свойств для каждого языка различна. Различие зависит от характера внутренних ограничений в системе языка, грамматической и семантической структуры речи. Так, русскому языку свойственна структурная свобода. Ударение не привязано к определенному слогу и может перемещаться в пределах одного слова, создавая новую лексему или иную грамматическую форму. В русском языке нет строго определенного места глаголов и порядка других слов, в нем «завихрение придаточных предложений». По этой причине русский язык в наибольшей степени оказывается пригодным для описания далеких от однозначности, трудно выразимых духовных сущностей. Свобода предопределяет универсальность языка. Это подметил М.В. Ломоносов: «...Сильное красноречие Цицероново, великолепная Virгилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке» [2]. Более того, немало примеров того, что перевод на русский язык в художественном отношении оказывается выше оригинала.

В свое время А.А. Потебня так объяснил феномен якобы внезапного возникновения русской литературы. Великий филолог полагал, что, не учитывая духа русского языка, невозможно понять, почему за тридцать лет от Пушкина до Толстого и Достоевского в русской литературе появилось больше выдающихся писателей, чем в английской и французской литературах вместе взятых за триста лет. «Языки создаются тысячелетия, и если бы, например, в языке русского народа, письменность коего лет 300 была лишена поэзии, не было поэтических элементов, то откуда взялось бы их сосредоточение в Пушкине, Гоголе и последующих романистах? Откуда быть грозе, если в воздухе нет электричества» [1].

Вопрос третий. Что является объектом экофилологических забот – язык, речь или речевое поведение? Уточним термины, которые экологи языка обычно не разграничивают и используют как синонимы. Язык – это естественно возникшая и закономерно развивающаяся знаковая система, обладающая свойством социальной предназначенности, служащая общению людей и отраженная в сознании коллектива в отвлечении от конкретных мыслей, чувств и желаний.

Речь — это язык в действии, в процессе применения для выражения конкретного содержания. Язык и речь едины и одновременно различны. Образно говоря, язык — партитура, а речь — звучащая музыка. Язык от своего носителя практически не зависит, и никто лично урона языку не нанесет. От носителя зависит только речь, поскольку она — творение языковой личности. Каждый индивид получает язык как нечто данное, до него существовавшее, а речь во всех случаях каждому человеку приходится формировать самому. Отсюда парадокс: непобедимость языка и уязвимость речи, богатство языка и бедность речи. Речь — понятие обобщающее. Оно формируется в процессе речевого поведения языковой личности. Так что начало всех экофилологических трудностей обусловлено недостатками речевого поведения носителя языка, которые связаны со снижением личной культуры и падением нравственности в обществе. Язык как коммуникативный феномен, по сути, специальных мер защиты не предполагает и не требует, а вот речь в защите нуждается.

Принято считать, что «живой как жизнь» язык подвержен болезням, а потому неперменной частью экологических размышлений над ним является «экофилологический диагноз» — *внешние угрозы русскому языку и внутренние недуги русской речи*.

Под внешними угрозами русскому языку можно считать и факт набирающей обороты в современном мире языковой глобализации, которая проблематизирует место русского языка среди ведущих языков мира, и лавинообразный рост иноязычных заимствований в русской речи. Внутренними недугами русской речи считаются два активных процесса. Во-первых, засилье канцелярита не только в обиходной, но и научной речи как причина возможного понижения интеллекта нации, во-вторых, смысловое истощение слова как путь к культурному обнищанию общества.

Самой приметной «болезнью» языка считают *иноязычные заимствования*. Они неизбежны, поскольку любой язык и любая культура редко бывают самодостаточными, а потому языки и культуры тянутся друг к другу. Люди и народы всегда заимствуют слова и всегда сомневаются в целесообразности заимствования, а потому отношение общества к заимствованиям всегда было двояким: они приветствовались как фонд обогащения языка и отрицались как факт засорения родной речи.

Общественный инстинкт самосохранения предопределяет формы противостояния чужесловию. Не самой массовой, но красноречивой формой сдерживания напора иностранных слов является языковой пуризм — стремление к очищению литературного языка от иноязычных заимствований. Пуризм неоднороден. В нем выделяется направление радикальное и направление менее радикальное, компромиссное. Радикальный пуризм предполагает не только запрет на любое заимствование

современной речью, но и замену уже усвоенных языком иностранных по происхождению лексем на отечественные эквиваленты. Менее радикальный пуризм ориентирован на современную жизнь родного языка, ситуативен, половинчат, компромиссен, не зовёт к замене уже вошедших в русский словарь иностранных слов, однако внимательно следит за вторжением чужесловия в родную речь и предлагает эквивалентные единицы с русской этимологией.

Хотя о заимствованиях спорят более двухсот лет, все еще остаются нерешенными некоторые теоретические вопросы о природе, причинах и перспективах заимствования. Среди них вопрос, что такое заимствование. Лингвистический энциклопедический словарь определяет заимствование как элемент чужого языка, перенесенный из одного языка в другой. Требуется уточнения слово *перенесенный*. Любое ли использованное слово чужого языка в своей речи можно считать заимствованием? С какого момента «перенесенное» можно считать «заимствованием»? Три сотни слов из восточных языков (ориентализмов), использованных А.С. Пушкиным в повести «Путешествие в Арзрум», — заимствования? Путевые заметки телеведущих, знакомящих телезрителей с культурой экзотических стран, включают в себя слова, называющие то, что связано с этой страной. Это заимствования? А все топонимы, связанные с географией иных стран, — тоже заимствования?

Есть резон разграничивать две стадии перенесения, взаимообогащения контактирующих языков — (1) употребление и (2) заимствование. Поле перенесения — речь, территория заимствования — язык. Судьба перенесённой лексики зависит от двух тенденций в культурно-языковом развитии человечества — собственно культурной и цивилизационной. Прогресс как свойство цивилизации предполагает «одноразовость» используемых слов, терминов, укороченность срока их использования, сменность лексических пластов. Заимствование же, «усыновление» слова — удел культуры.

Внутренние беды русской речи — это экспансия канцелярита во все сферы коммуникативной деятельности носителей языка и оскудение культурно-смысловой наполненности слова. Если большинство ревнителей чистоты русского языка главной бедой считают использование заимствований, то К.И. Чуковский полагал, что в ткани русской бытовой, философской и научной речи для говорящих опаснее всего метастазы канцелярского языка. Такого же мнения придерживалась переводчица Нора Галь. Ее знаменитая книга «Слово живое и мертвое» начинается главой «Берегись канцелярита!». Приметами канцелярита являются обилие отглагольных существительных, использование предлогов, образованных от существительных (*во избежание, вследствие, по причине, по истечении* и др.), предпочтение пассивного залога глагола, вытеснение глагола существительным, тяжкий, путаный строй фразы, серость,

однообразии, штамп изложения. Канцелярит – склонность к шаблонам, стереотипам, блоковости мысли и текста. Канцелярит стал бедой современной социально-экономической и гуманитарной науки. Словесная завеса канцелярита скрывает логическую порочность рассуждений, слабость приводимых доводов, идеологическую или мировоззренческую предвзятость и т.д. В итоге канцелярит в науке и философии ведет к понижению интеллекта нации.

Сила, величие и могущество языка основываются на фундаментальном свойстве слова – его аккумулятивности. Слово – это не только практическое устройство передачи информации, но и инструмент мысли и аккумулятор культуры. Способность накапливать в себе культурные смыслы – свойство живого слова. Об этом красноречиво говорит вековой опыт изучения и преподавания иностранных языков, перевода и автоперевода, явление коннотации, специфика фразеологии. Аккумуляция культурных смыслов делает слово источником научного знания, обуславливает возникновение таких научных дисциплин, например, как гуманитарная география или гуманитарная анатомия.

Накапливаемые смыслы составляют культуруноносный слой и культуруобеспечивающий уровень в семантике языковой единицы. Аккумуляции культурных смыслов способствуют такие формы интеллектуальной деятельности, как внимательное чтение великих книг, размышления над прочитанным, над увиденным вокруг и переживаемом, содержательная коммуникация с достойными собеседниками, изучение родного языка, равно как и других языков.

Когда говорят об экологии языка, то подсознательно думают о возможной утрате небрежно используемым словом своего культурного содержания. Есть основание считать оскудение смысловой наполненности слова самым опасным языковым недугом, поскольку оно, во-первых, самый разрушительный в эвристическом и креативном отношении процесс, во-вторых, результаты этого процесса обнаруживаются не сразу и с большим трудом. Только через продолжительное время и по результатам интеллектуальной жизни общества можно оценить степень потерь. В-третьих, в отличие от заимствований и экспансии канцелярита смысловое оскудение не ограничивается пределами речи, оно захватывает и пространство языка. В-четвертых, государственные запреты и меры его поддержки, общественное санкционирование, достаточно эффективное в преодолении «чужесловия» и канцелярита, бессильно перед оскудением речи. Ни один документ, ни один призыв в этом случае результативными не будут. Только воля каждой языковой личности, общественный настрой и напор государства в тесной кооперации могут преодолеть речевое и языковое оскудение.

Центральной и во многом обобщающей частью курса должны быть *размышления о перспективах сбережения языка и практике оздоровления речи*. Стратегия и тактика экологии языка и культуры зависят от точного определения субъектов и объекта экофилологии. Очевидно, что основными субъектами являются общество и государство. Что же касается объекта экофилологии, то тут возможна дискуссия. Для одних объект – язык, для других – речь, для третьих – носитель языка и его речевое поведение. Думается, что объектом экофилологии должно быть речевое поведение.

Деятельность государства и его идеологических институтов – важный фактор косвенного воздействия на язык и культуру, оно создает ту атмосферу, ту систему связей и отношений, которая либо способствует слову, либо мешает его полноценной жизни. Экофилологические инструменты государства – языковая политика, законотворчество, государственные программы типа программы «Русский язык» на 2016–2020 гг. Государство создаёт необходимую инфраструктуру, готовит и совершенствует кадры преподавателей родного слова, издает и распространяет учебную и методическую литературу. Государство отвечает за судьбу языка за пределами страны.

Языкосберегающий арсенал общества – это его инициативы различного рода. Статус «инициативы» не дает возможности детально спроектировать конкретные формы. Они, по определению, чаще всего неожиданны, оригинальны, непредсказуемы, хотя их можно спрогнозировать в самом общем виде. Как минимум, это должны быть, во-первых, формы приобщения к чтению классической и иной первоклассной литературы, во-вторых, формы просветительские, образовательные, в-третьих, формы состязательные, в-четвертых, формы, сочетающие как коллективное, так и индивидуальное начало. Для общественных инициатив важно широкое и оперативное освещение задуманных акций и мероприятий, а также их результатов.

Итогом обсуждаемой научной дисциплины и финальным аккордом соответствующего курса экофилологии, по нашему мнению, должна стать тема *языковой личности как объекта и субъекта экофилологии*. Экология слова и культуры – это право и обязанность каждого говорящего на данном языке и живущего в данной культуре. Единство объектности и субъектности – основа речевого самостроительства. Самовоспитание в области речевой культуры требует авторитетных образцов. Целенаправленный поиск достойных языковых личностей в качестве речевого идеала, широкое гласное обсуждение результатов их коммуникативной практики – продуктивная форма воспитания языкового вкуса.

Хотя защита слова – дело коллективное, эффективной она может быть только при условии личной активности каждого носителя языка и культуры. По большому счету, создает язык и сберегает речь только

говорящий носитель языка, все остальное лишь способствует или мешает этому процессу.

Сберегая родной язык, мы уповаем на то, что язык сбережет нас, сохранит нашу этническую идентичность и обеспечит надежную базу национальной культуры.

Литература

1. *Потебня А.А.* Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. С. 106.
2. *Ломоносов М.В.* Российская грамматика // Полн. собр. соч. М.–Л., 1952. Т. 7. С. 392.

Курский государственный университет